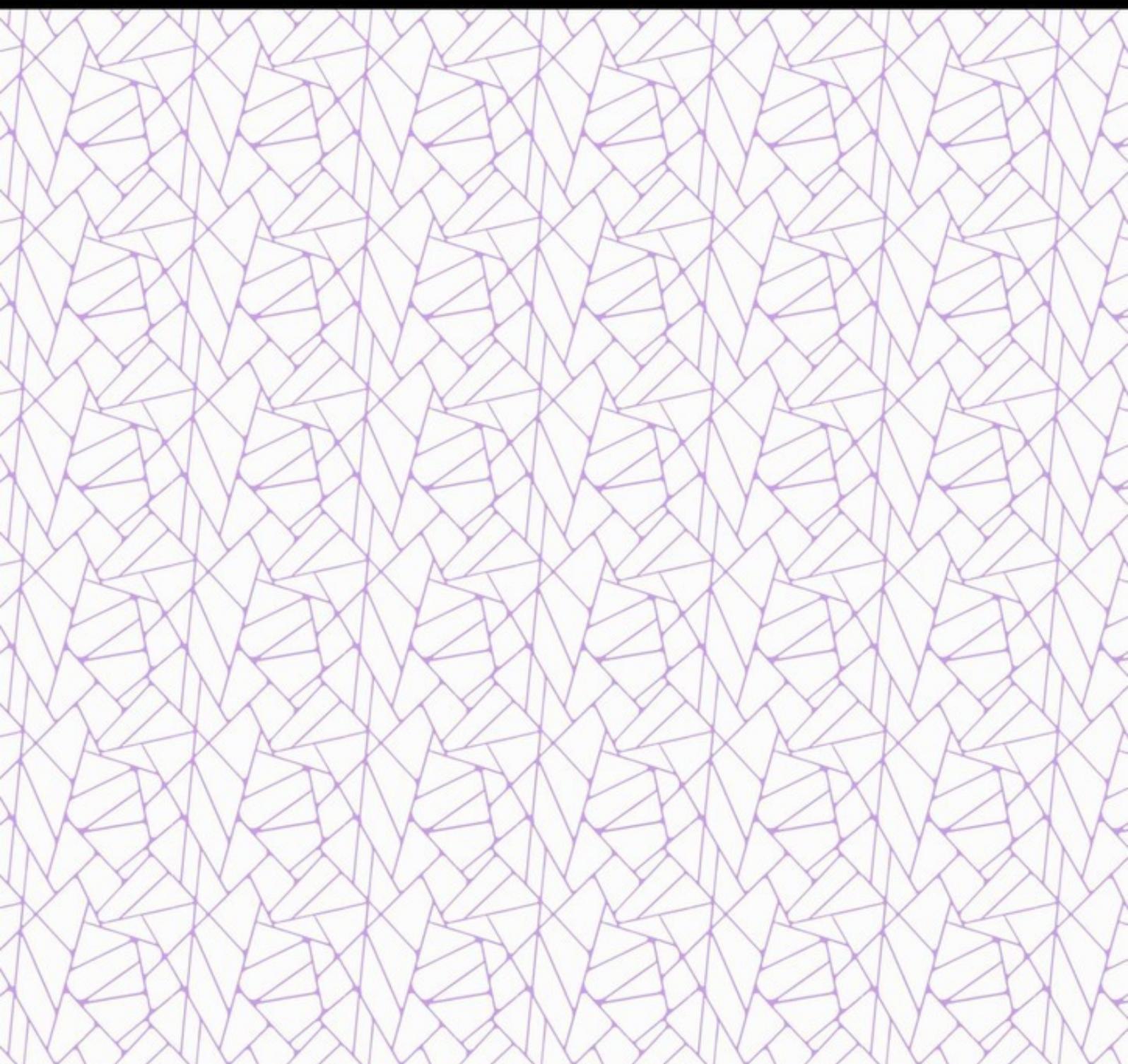

МАКСИМ КАПИТАНОВСКИЙ

Всё очень непросто

Максим Капитановский

Всё очень непросто

«Издательские решения»

Капитановский М.

Всё очень непросто / М. Капитановский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938066-1

Эта книга о рок-музыкантах двадцатого столетия. Веселые и смешные истории с участием автора. Также много смешных историй с очень известными музыкантами. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-938066-1

© Капитановский М.
© Издательские решения

Содержание

ВСЕ ОЧЕНЬ НЕПРОСТО	6
Максим Капитановский	7
Школа выживания	8
АКТ об испытании цепей	17
ГОСТ ЦМ-21/324	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Всё очень непросто

Максим Капитановский

© Максим Капитановский, 2018

ISBN 978-5-4493-8066-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСЕ ОЧЕНЬ НЕПРОСТО

Максим Капитановский

Макса Капитановского мы узнали в 1972 году, когда вдруг из великолепного, гремящего на всю Москву «Второго дыхания» он переместился вместе со своими барабанами в юную, зеленую и неумелую еще «Машину». Дела у нас пошли в гору, однако счастье было недолгим: не проиграв и года, загудел Максим в Советскую армию, да еще прямо на горячую советско-китайскую границу.

Мы надолго расстались. Вернувшись со службы, Максим не сразу догнал «Машину», а сначала прошел сквозь строй советских ВИА «Добры молодцы», «Лейся песня» и уже с ними. А спустя годы все же вернулся к нам – правда, уже в качестве звукорежиссера. Кем и пребывает по сей день.

У Макса масса разнообразных достоинств. Одно из них – он великолепный рассказчик. Согласитесь, редко бывает, когда в компании просят: «Макс, расскажи про то-то и то-то», – отлично зная саму историю, но не в силах побороть искушение послушать ее еще раз.

Я понимаю, конечно, что рассказ рассказанный и рассказ, изложенный на бумаге, – совершенно разные вещи. Но мне кажется, что Максовы истории могут свободно жить и в той, и в другой ипостаси. Не надо ждать от этой книги протокольного изложения событий. И если автор то и дело приподнимается над тусклым уровнем бытовой действительности – он имеет право на этот полет.

*Сильная все-таки вещь – литература.
Андрей Макаревич*

Школа выживания

Наша доблесть заключается не в том, чтобы не падать, а в том, чтобы подниматься после каждого падения!
(Конфуций)

Вот вы поёте и играете, а работаете вы где?
(записка из зала)

Рокнролл – это образ жизни!
(маркиз де Сад и Максим Капитановский)

Нет, нет, нет, человеку, который никогда не бывал на гастролях, невозможно понять, что это такое. Представьте себе, что половину времени вы проводите вне дома, то есть должны как-то питаться, сохранять здоровье (зимой часто без горячей воды) и, наконец, по возможности хорошо выглядеть, порою в самых антисанитарных условиях.

О личной жизни, разбитых семьях говорить пока не будем. В конце концов, такую жизнь мы сами себе выбираем. Но вот о сложных социальных отношениях: гастролирующий артист – окружающая среда (гостиницы, поезда, самолеты) можно рассказать немало интересного.

Я постараюсь познакомить вас с некоторыми секретами и маленькими хитростями школы выживания в экстремальных гастрольных условиях. Секретами, наработанными десятилетиями концертных командировок по самым отдаленным местам. Но хочу предупредить: **НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ** не читайте раньше времени главу на странице **74** во избежание самых **непредсказуемых последствий**.

С возникновением групп и выходом их на профессиональную сцену у подавляющего большинства людей (и не только работников сервиса) создался эдакий стереотип гастролирующего музыканта: длинноволосый (а в просторечии – нестриженный), одетый в заграничное, непременно пьяный, гребущий деньги лопатой хамоватый ухарь, живущий для того, чтобы портить нервы нежным проводницам купейных вагонов и дежурным администраторам переполненных гостиниц.

Дело в том, что обычный командировочный или приехавший на отдых человек, прекрасно знающий, как трудно с билетами, гостиницами и т.д., считает за счастье и третью полку в плацкарте, и койку в коридоре. Его можно разбудить шваброй, и на белье мокрое положить, и прикрикнуть, а вот зарвавшиеся артисты, катающиеся по стране по десятку и более лет, иногда начинают робко понимать, что и у пассажира, и у «гостя» (так называют в гостиничном сервисе своих горемык-проживающих) тоже есть свои, определенные конституцией и разумом права.

Вот тогда-то и получаешь на свои сногсшибательные претензии насчет горячей воды в январе или по поводу отсутствия известных сантехнических приспособлений (удобства во дворе) интересный ответ: «Шибко умный». Надо думать, в ироническом смысле.

«Шибко умный» – это еще хорошо. Саша Буйнов, путешествуя однажды летом в поезде на гастролях, обратился к проводнице с просьбой открыть окно в купе. Было страшно жарко, а вентиляция как всегда не работала. Проводница – неопрятная баба с хохлятским акцентом – заржала и отказала в грубой форме. Когда же интеллигентный Александр задал робкий вопрос, для кого все-таки придуманы форточки в купе, баба повела себя неадекватно. Она присела, борзо повела плечами, выкинула два гопаковых коленца и продекламировала: «Для те-бе, для пез-де!»

Братья гастролирующие артисты! Кто из вас после позднего концерта, а то и длительного переезда не просыпался в 7.30, как в страшном сне, от присутствия в вашем номере тетки в синем халате и двух огромных мордатых дядек, непонятно как прошедших через закрытую дверь и деловито осуществляющих какую-то таинственную работу. И лучшее, на что вы можете рассчитывать в этой ситуации, это реплика, длиною в девятнадцать сантиметров (на бумаге), «лежичегодергаешьсячтоямужиковневидалаголыхнакуруилтокак». И уж в самом крайнем случае, в припадке необъяснимого человеколюбия, кто-нибудь из мужиков может буркнуть: «Инвентаризация» или «Тараканов морим».

Вот так, просто и изящно: «Тараканов морим», – и довольные артисты отправляются в гостиничный буфет.

Итак, чем больше вы ездите на гастроли, тем делаетесь опытной и хитрее – вас уже на козе не объедешь и голыми руками не возьмешь.

И вот, въезжая в гостиничный номер, вы, сбивая дежурную с ног, бросаетесь к телефону (если он есть) на предмет тайной трещины, затем к телевизору (если он есть) работает ли? Отворачиваете штору на окне (если она и оно есть) в поисках абстракционистского черного пятна (оно почти наверняка есть) и, наконец, торжествуя показываете дежурной отбитый край хрустальной вазы, заботливо замаскированной под целую.

И упаси вас бог прохлопать один из этих пунктов, тогда при выезде, во время сдачи номера (есть такая милая трупоедская процедура), вам предъявят и неработающий телевизор, и треснутый телефон, и испачканную штору, и испорченную вазу; вы будете оштрафованы в ужасающекратном размере и под гиканье и улюлюканье персонала пойдете вон...

Но это, конечно, фантазии, не забывайте: мы опытные и хитрые, мы все проверили; и уже хочется вытащить на свет пословицу, что, мол, на каждую гостиничную старуху есть своя артистическая проруха, как в последнюю секунду выясняется, что по каким-то своим вафельным делам отсутствует полотенце (только что было тут), и вы, опытный и хитрый, покрывшись стыдливым мужским румянцем (нехорошо красть вафельные полотенца), платите деньги и, сидя в автобусе, стараетесь не смотреть на стройные ряды персонала, который, печатая шаг, проходит под вашим окном с плакатами «Не на тех нарвался!».

Мне лично с гостиницами всегда очень везло. Постоянно попадался номер напротив специальной комнаты, где горничные и дежурные по этажу держат свои таинственные коммунально-бытовые атрибуты и где вообще находится их штаб-квартира. Как это хорошо и полезно все время находиться в самой гуще их личной жизни и интимных подробностей, находиться, так сказать, на самом острие пищевых, мыльно-порошковых и тряпочных интересов.

И как близко к сердцу все принимаешь. В прошлом году я в течение нескольких часов с трепетом следил за развитием леденящей кровь драмы с похищением половой тряпки, и, когда добро восторжествовало, а зло было если не наказано, то осуждено, слепая недетская радость переполнила все мое существо – какие уж тут могут быть концерты.

Побывав несколько раз за границей и увидев, как у них решаются вопросы тишины в гостиницах (при помощи специальных табличек «Просьба не беспокоить»), я однажды решил (за отсутствием фирменных) написать собственное обращение. Долго корпел вечером, и вот что получилось: «Дорогие товарищи дежурные! Ваши гости устали после концерта. Убедительная просьба утром не орать или орать потише. Спасибо». «Спасибо» – это я позже приписал для пафоса.

Вы бывали когда-нибудь на шабаше ведьм? Нет? Может быть, вы участвовали в драке пьяных жестянщиков с пьяными жестянщиками же? Примерно от таких звуков проснулся я на следующее утро. За дверью грохотало, ухало, дикий хохот, безумные вопли несколько нарушали тишину. В дверь стучали швабры, плюхались тряпки, и кто-то очень ритмично (нельзя не отметить) молотил по замку пустым ведром. Наконец, из-под двери по сквознячку разлетелось по номеру кусочков сто моего не удавшегося опыта наглядной агитации.

До пересменки из номера не выходил: боялся.

Однажды на концерте пришла записка: «Это правда, что артисты только и делают, что пьют?» Вашими бы устами, господа зрители, да мед пить – к сожалению, артисты еще и едят.

А как удачно решаются на гастролях вопросы с питанием! Вы утром, чисто побрившись и одевшись по-выходному, приступаете к ожиданию обеда. На суточные в 2 р. 65 к. позавтракать и поужинать невозможно, а вот позволить себе обед из первого, второго и, чем черт не шутит, может быть, и третьего никто вам не запретит. Поэтому обед – это событие, которое обставляется, по возможности, пышно, и вот вы, пригласив для компании (какой же обед в одиночку?) приятеля (естественно, из той же «Машины времени»), гремя всеми суточными, входите в гостиничный ресторан.

Сначала вас сбивает с ног, но не лишает аппетита устрашающий транспарант «Берегите хлеб – в нем соль земли и пот хлебороба!». Гигантским усилием воли вы не даете себе расслабиться (в крайнем случае даете друг другу слово не есть хлеб вообще) и усаживаетесь за один из прекрасно сервированных вилками и ложками (ножи крадут) столов. По непонятной оплошности официанта здесь же оказывается и меню. Какие широкие, в пределах суточных, конечно, горизонты открываются перед вами. Вот рубрика «Полакомьтесь», вот «Разрешите вам предложить», а вот «Если вам позволяет здоровье» (но не суточные). Если вы давно не были в цирке, то можно заказать неизвестно как сюда затесавшуюся брюссельскую капусту, а если вы последний день в городе и прилично знаете каратэ, то яйцо всмятку – блюдо, которое оказалось в меню не иначе, как по разгильдяйству типографского мальчика – явлению, видимо, достаточно распространенному, так как давало мне возможность раз шесть в разных городах заказывать этот редкий деликатес. Я думаю, простительно – в жизни так мало радостей.

Происходило следующее: сначала официантка переспрашивала, потом обижалась, затем из кухни по очереди выглядывали всякие изумленные рожи, и официанты начинали бычиться по углам (но мы-то, опытные и хитрые, последний день в городе и знаем каратэ), наконец, после кофе приносили (а чаще вообще не приносили) сырое, или тухлое (насмешка), или крутое (как директор ресторана) яйцо. Яйца всмятку отведать так и не удалось, видимо, кроме моей мамы и меня самого варить их никто не умеет, и горькими слезами по яйцам всмятку плакала «Красная книга СССР», а теперь СНГ.

Со временем это развлечение стало приедаться (каламбур), тем более что в общепите стали удивляться по поводу яйца все меньше и меньше. Наверное, ресторанички разных городов обмениваются на своих тайных слетах необходимой информацией о своих ошибках, и, действительно, положение выправляется, видимо, создана специальная цензура (последние полтора года пресловутое яйцо в меню не попадалось), и со временем этот недостаток будет изжит общепитом навсегда, как, впрочем, и само блюдо. Но надо отдать им должное – машину из сумасшедшего дома они ни разу не вызывали. А мы-то по-прежнему в ресторане, и поведать эту сумрачную историю про яйцо дало возможность полное отсутствие официантов и вообще кого-либо. Наверняка подглядывают, выжидают, чтоб меню получше изучили, а потом так и бросятся.

Точно. Вот на всех парах, как «Ермак» на помощь «Красину», летит официантка, и только состояние крайней эйфории и общей благожелательности не дает мне возможности сразу констатировать, что для официантки золотых перстней и зубов вроде бы многовато. Вот так номер – да это ж метрдотель! – «Вы что?! У нас же румыны!!!»

Я вообще-то всегда знал, что наши люди, а особенно артисты, хуже румын, но чтоб настолько...

В общем, со всем написанным может столкнуться любой человек, просто артисты много ездят, то бишь гастрوليруют, поэтому видят немного резче и слышат немного громче.

С годами гастролей становишься мудрее (и опытнее, и хитрее), начинаешь понимать, что все они хотят тебе добра, только не у всех получается.

Хочет добра администрация гостиниц (чаще всего многоэтажных), когда в 20 часов выключает лифт, а концерт сплошь и рядом заканчивается позже; а в одном городе пошли еще дальше: выключают не только лифты, но и вообще электроэнергию. А чего, экономия и «гости» вовремя засыпают.

Хочет добра проводница, запирающая туалет, стюардесса, не дающая пить, и единственная возможность выбраться без потерь из этой бездны доброжелательства – это стать как можно более известным артистом, чтобы тебя все узнавали (тут отношение несколько меняется). Вот по каким причинам «Машина времени» стала популярной и часто показываемой по ТВ группой. А вы думали почему?! Нужда заставила.

А за кого только ни держит администрация гостиниц своих «гостей» в разных городах. Я сознательно не называю названий, чтобы не обидеть невинных людей, хотя о городах можно и прозрачно намекнуть.

Так, например, в одной столице (солнечной Татарии) в гостиничных номерах висит интересный документ: «Руководство по пользованию телефоном», – где сначала написано, что телефон предназначен для слуховой связи двух абонентов, для чего нужно левой рукой (если вы правша) снять трубку, убедившись, что есть гудок, указательный палец (а почему не мизинец?) вставить в специальное отверстие на специальном круглом (вы видели квадратный?) диске, плавными круговыми движениями... и т. д. Я понимаю, учили бы компьютером пользоваться...

В другом городе-герое – городе самоваров, пряников и оружейников – в общем, кто еще не понял, то в Туле, в гостинице правила поведения проживающих при пожаре и в мирное время, не мудрствуя лукаво, были озаглавлены: «Памятка для проживающих в гостинице людей».

Единственное, что утешало, так это то, что гостиница была цирковая, а значит, должна была существовать и «Памятка для проживающих в гостинице зверей».

А вот еще одна выдержка из правил для людей: «...В случае пожара (!) тепло оденьтесь, выйдите на балкон (!), закройте за собой дверь, затем жестами постарайтесь привлечь внимание пожарных и спокойно взывайте о помощи».

Я так и вижу составителя этих инструкций, тепло одетого, на балконе, тихо и проникновенно взывающего: «Товарищи, помогите».

Гастрольная жизнь несколько напоминает фронтовую, поэтому не обойтись без солдатской смекалки. Кто, как не артист, может вымыться в стакане, в два счета побриться с холодной водой без мыла и в темноте, кто способен в считанные минуты из куска проволоки, двух спичек и лезвия изготовить качественный кипятильник и кто, наконец, обычным феном ухитряется сушить носки, гладить брюки, греть, лежа с ним в обнимку, свою одинокую постель и даже сушить волосы.

В чемодане у музыканта можно найти самые неожиданные предметы: моток изоляции – заклеивать окна в номере, когда сквозь щели с палец шириной рвется к вам под одеяло ледяной ветер; непременно отвертка для отключения громкоговорителя, который с садистским сладострастием раздражается в 6 утра громовым гимном; нож на все случаи жизни, но в основном для отгибания металлических уголков у зеркала, дабы его перенести (как известно, зеркала в номерах непостижимым образом находятся на максимальном удалении от электрической розетки), в противном случае бриться и сушить голову приходится наизусть; рулон туалетной бумаги, который используется для перевязок, служит салфетками, утеплителем, затычкой в ванне или раковине, а иногда даже используется по своему прямому назначению.

Если покопаться, можно найти старую батарейку, палочки для добывания огня, кусок железнодорожного сахара, портативный стакан, иностранный паспорт и другие приятные и нужные в обиходе предметы.

Итак, вы при помощи различных ухищрений превратили стандартный номер в пятизвездочный люкс. Но самое главное – это при выезде не забыть произвести полный демонтаж всех приспособлений, потому что любое действие, направленное на выживание в экстремальных условиях, рассматривается администрацией гостиницы как коварное преступление, сравнимое по тяжести лишь с кражей полотенца.

Упаси вас боже пригласить вечером в гости понравившуюся девушку. Бесплезно объяснять дежурной, что вы хотите поговорить о музыке или поэзии, бесплезно передавать девушке свой ключ или визитную карточку: во многих гостиницах не поленились отпечатать женский вариант визитки, отличный от мужского. Вся нравственность, накопленная за 75 лет нашей непорочной жизни, встает непреодолимой преградой.

Выручает, опять же, смекалка. Для провода гостей существует несколько способов. Все они почему-то носят имена героев войны и пионеров.

Самое простое, конечно, – это дать денег, но их часто под рукой не бывает, тут-то и появляется возможность блеснуть мастерством с привлечением героико-пионерских хитростей.

Подробнее об этом потрясающем ноу-хау вы прочтаете во второй половине книги, а сейчас не будем отвлекаться.

Скажу только, что все эти ужасные строгости по поводу девушек почему-то на лиц кавказской национальности, которых в любой гостинице половина, не распространяются. Видимо, мы хуже не только румын, но и всех остальных тоже.

Отдельная песня – это швейцары. Как правило, это бывшие военные, причем не маленьких чинов, так что они инстинктивно ненавидят любого гражданина с прической более 2 сантиметров.

Недавно в городе Бресте нас днем швейцар долго не пускал в вокзальный ресторан.

– Снимите куртки, – говорит. А гардероб не работает, а в куртках деньги, документы и т. д.

Наш директор объясняет, что «Машина времени», что час до поезда и т. д.

– Та яка така «Машина часу» – не положено и все!

В то же самое время Макаревича, Кутикова и других окружили любители автографов – с трудом отбивались.

Швейцар смотрел, смотрел, наконец говорит:

– Я не знаю, но вижу, народ вроде вас уважает, а против народа мы никуда. Идите в куртках.

Не стоит говорить, что в зале ресторана, когда мы зашли, половина посетителей сидела в пальто и в шапках.

Да, со швейцарами шутки плохи.

Однажды зимой, после выездного концерта, мы возвращались в гостиницу около двух часов ночи. Декабрь, и очень холодно, но автобус теплый (не знаю уж, что у них там разладилось), поэтому большинство поехало налегке. Высаживают нас у гостиницы, где мы живем уже три дня, автобус уезжает. Стуча зубами, летим к закрытым стеклянным дверям с надписью «Мест нет». Вестибюль полутемный, никого нет. Молотим по стеклу, кто ключами, кто так, кулачищем. Наконец, в дальнем конце намечается какое-то движение, с раскладушки поднимается фигура и, медленно шаркая, направляется к нам. Не доходя метров пять, швейцар головой и бровями вопрошает: чего, мол, надо? А мы уж друг друга отталкиваем, чтобы первым в тепло вскочить.

Тут Петька Подгородецкий со своим французским грассе спрашивает:

– А что, отец, номега есть?

Тот показывает на табличку и руками и спиной делает отрицательные жесты, неспешно удаляясь к раскладушке.

Ну, ткнули Петьку пару раз в бок, кричим, ключи показываем. Швейцар издали, с раскладушки, только руки скрещивает и головой мотаает.

Минут двадцать пять «дрожжи продавали».

Конечно, сейчас кое-что изменилось, но осталась постоянная боязнь закурить в коридоре или забыть визитную карточку в номере. Все это настолько въелось в кожу, что сохраняется даже за границей.

Так, например, после долгих ожиданий и отказов «Машина времени» приехала в США. На шестой или седьмой день приводят нас в дискотеку. Первое, что удивило, – это великолепные музыканты, днем записывающиеся на студиях с различными суперизвестными певцами и группами, а вечером уже распрягающиеся в дискотечном угаре. Второе удивление – это контингент: возрастной разброс от 18 до 60 лет. Лихие бабушки в коротких юбках отплясывали с юнцами западные обезьяньи танцы.

Я стою, прижавшись к стенке, всего трясет. Во-первых, от того, что я в Лос-Анджелесе; во-вторых, что вокруг никаких руководителей тургрупп – полная свобода. Но на всякий случай опасаюсь провокаций – после стольких собеседований и инструктажей боязнь непрямых провокаций очень нескоро выветрилась.

Все кругом курят. Я тоже курю – сигареты «Родопи», привез с родины, чтобы не тратить валюту. Очень нервничаю. Тут подходит один плечистый в черной водолазке, уши прижатые, нос приплюснутый, и берет под локоть явно с провокационными целями.

– Ты что, не знаешь, что здесь нельзя курить марихуану?

Я – в шоке, так как меня приняли за настоящего американца, а также оттого, что я сразу понял, что он мне сказал.

Начинаю бормотать, пачку показывать, даже затянуться дал. Уж не стал объяснять, что сигареты болгарские: он и страны-то такой, наверное, не знает. «Рашен», – и всё тут.

Затянулся пару раз бедняга.

– Сорри, – говорит.

.....

В борьбе с сервисом крепили и набирались сил могучая советская эстрада и рок-музыка. С годами научились обращаться и с поездами, и с гостиницами, и с самолетами, и даже с парходами.

Много раз приходилось бывать в круизах и по Черному морю, и в заграничных плаваниях. Каюты обычно двухместные. Сложились уже постоянные пары. Я, например, все время плаваю с нашим барабанщиком Валерой Ефремовым. Я ведь сам бывший барабанщик, и интересов общих у нас с ним много. То обсуждаем прочитанные книги и просмотренные кинофильмы, то молчим тупо об одном и том же. А когда уже совсем делать нечего, беззлобно ругаемся, кому наверху спать, а кому на нижней койке. Но сначала, как люди опытные, стараемся выбрать каюту поближе к середине корабля, потому что качает меньше, затем отверткой отключается громкоговоритель, так как ночью и утром над ухом орет непонятный голос: «Двенадцатому срочно к тринадцатому», а иногда «Четырнадцатому очень срочно к пятнадцатому». Потом Валера из привезенной из дома проволоки пристраивает к кондиционеру держатель, в который помещается пара бутылок воды, и мы имеем холодный лимонад. А было несколько случаев – даже выпивали алкоголь.

В Италии приходим в винную лавку. Глазастый Валерка быстро из всякой тухлятины на полке выудил бутылку «Алкоголь Пуро», то есть чистый спирт; на этикетке даже огонек изображен: мол, горячее.

Продавец даже ухом не повел. Мало ли для каких целей мы берем (в той лавке и лак, и бензин, и средство для мойки стекол продавались), потом услышал русскую речь – сразу смикитил.

– Нон посибиле! – кричит, то есть никак невозможно.

Да еще свои ручки пухлые на груди скрестил и зубы оскалил, как на табличке «Не влезай, убьет». Откуда только знает, что у нас на столбах написано.

Ну, нам-то что? Мы на «Солнцедаре» росли, камни можем есть. Пожали плечами, заплакали и пошли.

Продавец еще долго за нами бежал: АКВА, АКВА – это он на воду намекает. Значит, чтобы мы уж в крайнем случае водой разбавляли в пропорции один к ста семидесяти.

Не надо!!! Валера – химик по образованию, МГУ заканчивал, наверно, уж получше какого-то макаронника знает, где чего добавить.

В три секунды в каюте из одной бутылки «Алкоголь Пуро» шесть «Столичных» приготовил. Будут нас еще учить!!! Как видите, с умением и сноровкой быт наладить можно.

Вот только с Прибалтикой осечки случались.

Это все равно как вы собираетесь поднять очень тяжелый чемодан, напрягаете мышцы, делаете вдох-выдох, а он пустой – ну, в общем «разбежался и упал».

В Риге приходим в кафе. У нас в Москве его назвали бы рестораном, а у них нет – кафе. Швейцар стоит – баки, как у собаки. «Прошу, господа», – говорит по-латышски. Ну, это нам вообще непонятно, хотели было уйти, но пообедать-то надо. Ладно. Зашли, сели. Подходит официант с внешностью и манерами владетельного гранда. Провозглашает меню по-латышски минут десять. Мы, конечно: «Извините, не понимаем». Он – ничего, даже не ударил. «Суп, – говорит, – и второе». Ну, диктовали мы ему то да сё, никак его не собьешь: стоит с каменной мордой, записывает. Наконец Сашка, чтобы его как-то из трансa вывести, говорит:

– И, пожалуйста, четырнадцать стаканов чая...

Гранд одну бровь приподнял и спрашивает:

– С ложечками?.

В Таллин приехали в день какого-то еще всенародного праздника. Концерт только завтра, сегодня день свободный. На вечер ресторан заказан в гостинице «Виру», а днем по старому городу бегали, дыхание веков ощущали.

Я перед поездкой, еще в Москве, себе сапожки ковбойские справил, надел в Таллине с утра, хожу-радуюсь. Единственно, что постеснялся джинсы в сапоги заправить: слишком уж было бы «знойно».

За целый день набегались, ноги гудят, да я еще страшно натер себе икры новыми голенищами. Принял душ, лежу, отдыхаю. В 8 часов наш директор всех обошел, предупредил: форма одежды №1 (пиджаки, галстуки).

Настроение отличное. Я костюмчик надел, галстук повязал, полюбовался – то что надо, пусть эстонцы умоются. Сапожки натянул – шагу ступить не могу. Края голенищ прямо в больные места впиваются. И надо-то всего лишь носки высокие или там «гольфы», а где в полдевятого вечера возьмешь? Пошел по товарищам: нет ли у кого чулок длинных или колготок? Так нет.

Заплакал. Не в кроссовках же идти, да и не пустят: Европа чертова.

Открываю гастрольный чемодан: вот отвертка, вот нож – пока не то. Ба! Туалетная бумага! Обмотал на манер красноармейских портянок, надел сапожки под брюки – шикарно.

В ресторане сидим солидно: коньяк, шампанское, официанты скользят неслышно, оркестр шуршит что-то хорошее, красивые пары танцуют медленно.

Я даже девушку себе присмотрел, как положено – блондинку, дождался музычки повеселей, поклонился (знай наших), пригласил. Она книксен сделала, танцуем. Я вообще танцую очень хорошо, Макаревич все время хвалит, а тут партнерша попалась послушная, чувствую себя Джоном Траволтой из «Лихорадки в субботу вечером». Народ вокруг смотрит с уважением, даже круг немного для нас освободили, некоторые аплодировать собрались, еле сдерживаются. И тут я во время какого-то особенно удачного поворота опускаю голову и вижу, что

за моей правой ногой тащится примерно с метр туалетной бумаги. Что делать?! Вы бы, наверное, растерялись. Я – нет. Прижимаю партнершу к сердцу как можно крепче, чтобы хоть она не видела, делаю хитрое па и, как бы между прочим, наступаю левой ногой на бумагу, чем вытаскиваю еще полтора метра.

Тут и танец кончился. Я под видом поклона нагнулся, нагло оторвал проклятую бумагу и пошел спать.

На выходе у швейцара спрашиваю:

– Зачем все-таки вы в слове «Таллин» в конце вторую букву «н» начали добавлять?

Он говорит:

– Лучше вторая «н» в конце, чем «с» в начале.

На следующий день собрался я в гости к своему давнему другу поехать. А он, между прочим, Яак Йоала – лучший певец всех времен и народов.

Мы с ним однажды на гастролях в городе Хмельнице вместе случились. Вот он мне вечером после концерта звонит:

– Макс, ты что сейчас делаешь? Не можешь ко мне зайти, а то тут в гости пришли два мужика мощных, боюсь не справлюсь?

Я прихожу, смотрю – действительно мощные: пять бутылок принесли.

Яак показывает на здорового дядьку в тренировочном костюме.

– Знакомься, Макс, Николай Балясник – чемпион мира и Европы по поднятию тяжестей.

Коля застенчиво улыбается, потом схватил меня за руку, пожал рукопожатием, в котором гибнут все микробы.

– А это, – Яак показывает на второго мужчину в сером костюме серой рубашке с серым галстуком, – товарищ Тишков. Он милиционер и следователь, сюда на убийство приехал.

В общем, познакомились, сидим выпиваем. Мы с Яаком разговариваем, гости молчат: товарищ Тишков тайну хранит, а у Коли в голове одни штанги да гири.

На четвертой бутылке вышел казус. Товарищ Тишков вдруг в голос разрыдался. Мы спрашиваем: что случилось? Яак его утешает: бутылку показывает закрытую, что, мол, не все еще выпили, – даже Коля подошел, два роза по спине треснул.

Наконец, товарищ Тишков сквозь слезы говорит в таком смысле, что никто из сослуживцев ему не поверит, что он за одним столом с самим *Яком Юлой* и чемпионом мира (про меня, правда, ничего не сказал) сживал.

Ну, кое-как успокоили его, Яак афишу подарил, а Коля – гирю, дальше сидим. Коля пыхтел, пыхтел, потом:

– Знаешь, Яак, я никогда тебя не слышал, все времени не было. Спой чего-нибудь, ты ж певец.

А Яак не растерялся и говорит:

– Коль, ты ж чемпион. Подыми вот этот шкаф.

Даже товарищ Тишков улыбнулся. Стали прощаться. Тут Коля со шкафом подходит:

– Может, споешь, а?

Так вот, собрался я к Яаку в гости, а чтобы национализм какой не вышел, он мне еще раньше по-эстонски на бумажке написал название улицы и номер дома. «А если, – говорит, – заплутаешь, спроси у любого, где Йоала живет, – меня все там знают».

Сажусь в такси, говорю:

– Тере¹, – и дальше, как выучил по-эстонски.

¹ Здравствуйте (*эст.*).

Таксист оборачивается:

– Чиво, чиво?

Я по-русски объясняю, мол, около железной дороги.

Он опять:

– Куда тебя везти-то, сволочь?

Я вежливо:

– Ну, знаете, где Яак Йоала живет?

– Знаю, – говорит, – в Москве.

.....
В «Машине времени», как в любой другой группе, смекалка в большом почете, а пример в этом смысле всегда подавал Директор. Ему без конца приходилось улаживать всякие мелкие эксцессы и недоразумения, и он очень сильно в этом поднаторел.

В той же Прибалтике на концертных площадках, так же как и везде, самыми главными начальниками являются пожарные, которые «от нечего делать» у световиков и директоров кровь пьют просто литрами.

На сцене происходит расстановка аппаратуры и подвеска прожекторных ферм. Тут же расхаживает Директор и всем руководит. Как любой директор, он в тонкостях не очень разбирается, но на работе «горит» и искусство осуществляет.

Появляется стройная белокурая женщина в полувоенной форме, на высоком каблуке и с красной папкой – местная пожарница. С сомнением смотрит на цепи, фермы и, безошибочно обращаясь к Директору, говорит:

– Извиньте, пожалуйста. А цепи выдержат, докумэнты есть?

Директор, равно как и все остальные, понятия не имеет, какие тут нужны «докумэнты», но (на то он и Директор) горячо заявляет, что выдержат и что есть любые документы, но в гостинице.

Пожарница:

– Извиньте, пожалуйста! Пока не вижу документ, концерт не начинается.

Директор бежит в какой-то кабинет, берет бумагу и на машинке быстро отпечатывает:

АКТ об испытании цепей

ГОСТ ЦМ-21/324

от 25/5 1989

1. Испытание на разрыв в горизонтальной плоскости – 25 т
2. Испытание на разрыв в вертикальной плоскости – 23 т
3. В кислотной среде, вакууме, космосе и т. д. и т. п.

– всего девятнадцать пунктов. Подписал в трех местах, помял бумагу, даже ногой наступил и приносит «богине огня» якобы из гостиницы.

Очень убедительная бумага, но какие-то подозрения у женщины-капитана все-таки остались, и, чтобы их рассеять, она собрала весь свой эстонский сарказм и спрашивает:

– А не принадлежит ли эта грамота некоэму Филькэ? Директор отвечает чистую правду (его-то самого Валерой зовут):

– Нет!

– Ну, тогда другое дело. Пожалуйста.

.....
Чем больше город, тем больше в нем начальствующих чиновников. Мы все вместе придумали начальственно-руководящую фамилию – Симак Николай Иванович. И если что, то в какой-нибудь инстанции Директор как последний довод говорил:

– Как же так? Ведь нам сам Николай Иванович Симак обещал!

Срабатывало почти безотказно. Один начальник особенно упирался, не хотел подписывать какую-то бумагу. Тут Директор ему и ввернул:

– А ведь нам Симак обещал.

Тот берет ручку, подписывает:

– Ну, если я сам обещал...

В Красноярске прямо с самолета – на концерт. Потом вечером в гостиницу. На улице —35 градусов. В номерах тоже очень холодно. Буфет закрыт, холод, неустроенность, выпить хочется страшно.

Наскребли немного денег. Швейцар говорит:

– Нету у меня, сынки, с удовольствием. Попробуйте у таксистов, хотя их тоже сейчас шерстят.

После получасового топтания на морозе посинели все. Нет не только водки, но и самих такси. Только одна машина стояла с самого начала с работающим двигателем, так там водитель сразу раскричался, что сам не пьет и вообще с этим делом борьба. Собрались идти по номерам. Тут он говорит:

– Ладно, повезло вам (оказывается, полчаса приглядывался, не провокация ли), – для брата берег. Вижу, ребята хорошие.

И достает бутылку из двигателя. Она горячая, как кипяток. Прибежали в номер, но как горячую пить – мы ж не японцы какие. Маргулис говорит:

– А смекалка на что? Вы дуйте за стаканами, а я пока на форточку ее пристрою охлаждать

Через пять минут собрались, кто со стаканом, кто так, с открытым ртом. Моргулис потянулся к форточке, а бутылка – раз! – и за окно с 6-го этажа птицей.

Минуты полторы били его, потом смекалка свое взяла. Гурьбой все вниз (некоторые, кажется, прямо из окна) выбегаем. Ночь лунная, на белом снегу темное пятно выделяется, и давай этот темный снег жрать, только стекла выплевывали.

Никогда бы в жизни пять человек с одной поллитры такими пьяными не сделались. Вот!

Сразу хочу сказать, что общенародное мнение, будто артисты очень много пьют, ошибочное. Пьют точно так же, как и все остальные, а может быть даже чуть-чуть меньше.

В Магадане, после концерта, подходит мужик загорелый:

– Очень мне нравится, – говорит, – ваше солнечное искусство. Я моряк, на палубу бряк, желаю вас сегодня на корабль пригласить, ребята будут очень рады.

Мы посоветовались и пошли втроем, а остальные спать: устали очень.

Корабль – немецкой постройки, в смысле ГДР. СРТ (средний рыболовецкий траулер), новенький, много автоматики. Команда собралась, 24 человека, только капитана не было: он с женой на берегу живет. Оказывается, пока они в море – сухой закон, а здесь сам бог велел. Мужик, который нас привел, коком оказался. Как начали они на стол метать: крабы натуральные, крабы запеченные, печень макроруса и т. д. Водка, конечно, рекой.

Слева от меня старпом сидит, серьезный мужчина – после капитана он здесь главный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.